

БИОГРАФИЯ И ОБЩЕСТВО

К.С. ДИВИСЕНКО

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ: ГОРИЗОНТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Наибольший интерес для социологии в трансцендентальной феноменологии представляют интерсубъективность и теория жизненного мира. В статье рассматриваются основные положения поздних работ Э. Гуссерля, посвященные исследованию жизненного мира как универсума изначальных очевидностей; намечаются основные позиции для социологического исследования жизненного мира.

Ключевые слова: интерсубъективность, жизненный мир, Э. Гуссерль, феноменологическое направление социологии.

Феноменология Э. Гуссерля оказала огромное влияние на развитие социологии в XX в. Идеи феноменологии в их приложении для социальных наук были развиты А. Шюцем, Т. Лукманом, П. Бергером, Э. Гоффманом, в этнометодологии, социальной теории Ю. Хабермаса.

Наибольший интерес для социолога в трансцендентальной феноменологии представляет проблематика жизненного мира. Жизненный мир — область интерсубъективного, надиндивидуальной сферы, сфера взаимодействия отдельных людей и социальных общностей. Интерсубъективный мир формируется в процессе социального взаимодействия, коммуникации.

В настоящей статье с точки зрения социологии рассматривается жизненный мир как одна из основных категорий трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля.

Понятие «жизненный мир» стало одной из центральных категорий поздней трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля. Впервые эта категория, только под другим именем («мир в естественной установке») встречается в работе «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913)¹ и в «Картезианских размышлениях» (1931)². Но большее развитие данная категория получила в «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии» (1936)³. «Кризис» и другие работы Гуссерля, посвященные исследованию жизненного мира, вышли уже после его смерти, при жизни философа они были известны некоторым его ученикам/коллегам, а также слушателям его публичных лекций.

В «Кризисе» Э. Гуссерль обращается к проблеме жизненного мира по трем основным причинам: 1) как области, противоположенной объективистской науке; 2) как к новому пути в феноменологическую трансцендентальную редукцию; 3) как способу более глубокого изучения интересубъективности в терминах историчности, генеративности, традиции и нормальности⁴.

Итак, в чем, по мнению Э. Гуссерля, состоит кризис новоевропейской науки и каково его значение для жизненного мира?

* * *

Если выразить кратко, то основная причина кризиса новоевропейской науки, которая берет свое начало от Г. Галилея, — онтологизация методических принципов. Для науки стало существовать только то, что возможно исследовать разработанными ею самой научными методами — математикой, геометрией и т. д. Как следствие развития и успеха науки — повседневное сознание, обыденная, перетекающая изо дня в день жизнь просто исчезли из поля зрения и интереса науки; и особый мир самой науки стал постепенно заслонять собой жизненный мир. Повседневность, обыденное знание, преднаучный мир стали той областью, до которой не снисходит объективистская наука. В развитии новоевропейской науки находит свою кульминацию и логическое

¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

² Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2006.

³ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.

⁴ Zahavi D. Husserl's Phenomenology. Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 125.

завершение, традиционное со времен классической античности, разделенность двух видов знания — знания (ἐπιστήμη) и мнения (δόξα). Сама наука является знанием и работает только со знанием и всем тем, что можно к нему привести; мнение же остается уделом только здравого смысла, обыденного сознания.

Применение методологического аппарата объективистских наук на чуждом ему поле, особенно в психологии и других гуманитарных науках, привело к еще одному следствию кризиса — усугубляющемуся скептицизму и релятивизму. Победить эти две нездоровые тенденции в науке может только поиск области непреложных истин, путь к которым может быть найден трансцендентальной феноменологией, в которой становится возможным преодоление натуралистического объективизма⁵.

Целью Э. Гуссерля в «Кризисе» была постановка диагноза современной ему науке и обоснование новой теории познания, позволяющей преодолеть то состояние, в котором оказались философия и гуманитарные науки в конце XIX — начале XX вв. В связи с этой задачей проводится еще раз концептуализация «мира в естественной установке» как *жизненного мира*.

Мир объективистской науки вовсе не объективный мир — так как не существует независимо от сознания человека. Все идеальные конструкции (геометрические фигуры, идеальные газы, традиционное общество и т. д.) суть идеальные образы, никогда не встречающиеся в самой природе. Идеализированные объекты, с которыми работает позитивная наука, никогда не могут быть пережиты или прочувствованы в жизненном мире: «мы устанавливаем или конституируем их с помощью особого вида интенциональности, которая смешивает как восприятие, так и воображение»⁶.

Все многообразие мира, жизни стягивается к тому, что может быть измерено, математизировано, а те качества, которые невозможно непосредственно измерить, должны быть преобразованы в такую форму, которая может быть все-таки сведена к количественным показателям. Раз найденные формулы могут обеспечить объективацию всех отдельных случаев, находящихся в области их применения. Таким образом, мир науки становится «по-себе-истинным-миром», противоположно-

⁵ Гуссерль Э. Феноменология (статья в Британской энциклопедии) // Логос. 1991. № 1. С. 12–21.

⁶ Sokolowski R. Introduction to Phenomenology. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 149.

стью жизненному миру; созерцаемая природа уходит на второй план, подлинной сущностью становится идеализированная природа. Как следствие, происходит разделение очевидностей жизненного мира и объективно-логические очевидностей, логика жизни и формальная логика также образуют зазор.

Методический прием становится подлинной сущностью: природа оказывается не тем, чем она предстает в чувственном непосредственном опыте, а тем, что схватывается, описывается и прогнозируется в математических формулах. Помимо онтологизации методов, объективистские науки переносят собственный теоретико-методологический аппарат, пригодный только для физических явлений, на чуждую им область — область духа, духовной жизни. Науку также приводит к тупику подстановка эмпирических данных под разработанные идеальные понятия⁷.

«Феноменология признает ценность и внятность современной математической науки, но не переоценивает ее; она напоминает нам, что такая наука основана на предметах, данных нам донаучным способом, и также напоминает нам, что даже науки остаются “чьим-то наделом” или создаются кем-то»⁸.

Итак, путь к жизненному миру лежит через трансцендентальную феноменологию. Обращение к жизненному миру как теме феноменологического исследования предполагает два эпохэ: 1) в отношении всех объективных наук, 2) всех объективно теоретических интересов этих наук.

Пафос феноменологии не мог быть сразу же воспринят многими современниками Эдмунда Гуссерля в силу интеллектуальной привычки и предрассудков традиции объективистской науки и философии.

* * *

В «Кризисе» четкого и однозначного определения понятия «жизненный мир» Э. Гуссерль так и не дает. Он постоянно возвращается к его описанию, характеристике, каждый раз проговаривая определенный аспект его ускользающей в лингвистической сфере сущности.

Жизненный мир — «мир чувственного опыта, постоянно предданный как нечто бесспорное и само собой разумеющееся»⁹.

⁷ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. С. 97.

⁸ Sokolowski R. Op. cit., p. 148.

⁹ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. С. 110.

«Жизненный мир есть царство изначальных очевидностей. Данное с очевидностью, в зависимости от того, идет ли речь о восприятии или воспоминании, есть познанное в опыте как «оно само» в непосредственном присутствии [Prasenz] или припомненное как оно само»¹⁰.

Как видно из приведенных фрагментов, одной из основных характеристик жизненного мира оказывается его очевидность, интуитивная (в декартовском смысле) ясность. Жизненный мир в своем «нормальном состоянии» не проблематизируется, то есть остается незамечаемым. Его тематизация происходит вследствие интеллектуального усилия, либо при встрече с таким феноменом, которого не было в прошлом опыте. Жизненный мир — не только сфера наличного восприятия, но и сфера памяти о прошлом опыте. Жизненный мир формирует память о прошлом; аподиктичность знания о прошлом становится наряду с аподиктичным знанием актуального чувственного опыта.

«Он (предданный мир — *К. Д.*) естественным образом заранее дан всем нам как отдельным лицам в горизонте нашей сочеловечности, т. е. в каждом актуальном контакте с другими, как «этот» мир, общий нам всем. Поэтому он образует постоянную почву значимости, всегда готовый источник само собой разумеющегося, которым мы без лишних разговоров пользуемся и как практические деятели, и как ученые»¹¹.

В этом определении подчеркивается важная характеристика жизненного мира — его интересубъективность, социальный характер. Пространство жизненного мира становится необходимым и неперемным условием любой социальной интеракции, оно формируется каждым отдельным человеком и влияет на каждого человека, также выступая как подоснова других особых миров.

Таким образом, жизненный мир — область очевидной данности, универсум всего, что дано как само собой разумеющееся. Он оказывается основанием всякой другой особенной области, области науки, искусства и т. д. Жизненный мир существует не в статическом состоянии, он находится в постоянном становлении: приобретает новый опыт, который согласуется с уже имеющимся.

В определении жизненного мира в «Кризисе» Э. Гуссерль вносит определенную двойственность, или, как он сам называет, «парадоксальность».

¹⁰ Там же. С. 175.

¹¹ Там же. С. 167.

«Конкретный жизненный мир в одно и то же время образует почву, в которой коренится “научно истинный” мир, и объемлет в себе этот мир в своей собственной универсальной конкретности»¹².

Таким образом, с одной стороны, жизненный мир — мир донаучного опыта, в котором устранены все теоретические установки, благодаря ему становятся возможными все науки, теоретическое знание, другие особые миры. С другой стороны, жизненный мир включает в себя все науки и практики, достояние особых миров, исторический, социокультурный мир, все то, что со временем становится неотъемлемой его частью и транслируется от поколения к поколению. В широком понимании жизненный мир включает в себя все, что привнесено в него особыми мирами (все знают, что вещество состоит из молекул, атомов, существуют радиоволны и т. д.), и это становится очевидным, интуитивно ясным, как и аподиктические истины чувственного опыта. То есть, одним из основных свойств жизненного мира выступает *одомашнивание* — чуждость особенных миров интегрируется в домашность жизненного мира и становится такой же очевидной, как и исконные объекты, данные в естественной установке.

Эта логическая «парадоксальность» определения — причина, охватывающая следствие — объясняется различным пониманием жизненного мира. В более узком (онтологическом) понимании данное понятие отсылает нас к донаучному миру повседневного опыта, в более широком (трансцендентальном) жизненный мир предстает включающим в себя все особые миры¹³.

Мы должны принимать два мира и их противоречия — мир, в котором мы живем, и мир, описываемый наукой. Например, видя ложку, опущенную в стакан с водой, мы удивляемся ее неизломанной изломанности, и объясняем это явление физическим законом преломления, сущность которого для большинства нормальных людей заключается в самом названии этого закона. На этом примере хорошо видна «парадоксальность» жизненного мира — жизненного мира как противостоящего особому миру науки и жизненного мира, включающего в себя мир науки. В последнем случае, как правило, глубина и высота научного познания сводятся на уровень повседневного мышления, а сами научные понятия, категории, законы становятся симулякрами — означаемое остается невостребованным в повседневном мышлении.

¹² Там же. С. 179.

¹³ *Zahavi D.* Op. cit. P. 129–130.

Повседневность все сводит до обыденности: изломанность неизломанной ложки можно объяснять и действием духов, живущих в воде, и законом преломления — для повседневности это абсолютно безразлично. Повседневность не терпит только вопрошания, сомнения, чуждости, неопределенности.

Повседневность является важным компонентом жизненного мира. Повседневный мир как категория имеет меньший уровень обобщенности, чем жизненный мир. Повседневность — срез, слой, возможно наиболее значимый и для социального взаимодействия, и как тема социологического интереса.

«Повседневность — диспозиционный предикат, феномен, актуализирующийся в определенных условиях и неразличимый в других. Повседневность скрепляет собой разные типы сознания, деятельности и общения, существуя лишь в промежутках между ними»¹⁴.

Повседневность включает в себя конкретное содержание ментального опыта культуры (стереотипы, социальные представления, паттерны, убеждения, образцы социального действия), а жизненный мир — «синтетическое единство жизни сознания, его обусловленность горизонтом жизненно-практических условий темпорального синтеза, временной связи человека и мира в непосредственной данности бытия»¹⁵.

* * *

Структура жизненного мира определяется трансцендентальными априорными формами чувственности, пространством и временем.

«Мир — это пространственно-временной мир, и к его собственному бытийному смыслу как смыслу жизненного мира принадлежит («живая», а не логико-математическая) пространство-временность»¹⁶.

Интенциональные объекты жизненного мира имеют свою пространственно-временную структуру, упорядочивающуюся совершенно иными законами, отличными от законов мира объективных наук. Основанием для нее служит не привычная для нас геометрическая упорядоченность физических тел, используемая со времен Эв-

¹⁴ Касавин И.Т., Шавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон +, 2004. С. 414.

¹⁵ Кожевников С.Б. Эвристические горизонты концепции жизненного мира // Вопросы философии. 2008. № 11. С. 133.

¹⁶ Слинин Я.А. Трансцендентальный субъект: феноменологическое исследование. СПб.: Наука, 2001. С. 226.

клида, а пространственно-временные связи строятся вокруг «Я» по принципу релевантности и степени очевидности¹⁷. То есть, содержание жизненного мира — не совокупность всего мыслимого, пережитого, а совокупность значимых, релевантных вещей. В области жизненного мира находятся те объекты, которые имеют место в повседневной жизни, и даны постоянно. То, что встречается редко, происходит не часто, не становится достоянием жизненного мира, оно выходит на его периферию.

Степень очевидности также является важной характеристикой структуры жизненного мира. В жизненном мире может быть выделено по отношению степени достоверности — *аподиктическое/проблематическое* — аподиктическое ядро и проблемная оболочка¹⁸. Вокруг аподиктического ядра группируются те объекты, которые не вызывают никакого сомнения; чем «дальше» от этого ядра, тем больше возрастает проблематичность данных объектов. Конечно, невозможно четко очертить демаркационную линию, определяющую границу между аподиктическим ядром и проблематической периферией.

Личный жизненный мир существует аподиктически. Наиболее достоверным является то, что дано созерцанию в настоящий момент. Это может быть даже экстраординарный объект, при восприятии которого мы можем сказать «не верю своим глазам», но сам объект в интенциональном акте предстает сознанию аподиктически.

Часть жизненного мира, где возможны всяческие aberrации, — мир вторичной памяти. Память о прошлом опыте — это область не непосредственного созерцания, а поле проблематического знания. Несмотря на то, что область воображения, вторичной памяти не является аподиктической, тем не менее, истины этой области имеют непреложный характер, хотя данное воспоминание может и не соответствовать тому опыту, который был в момент восприятия. Кстати заметить, что соотношение воспоминаний и того, «как было на самом деле», фено-

¹⁷ Обычные для нашего новоевропейского научного сознания геометрические построения не могут передать пространственную структуру жизненного мира, хотя мы и пользуемся такими признаками, как ближе/дальше, больше/меньше и т. д., которые уже при упоминании предполагают некоторое измерение и количественное выражение. Но пространство жизненного мира, как и квазиреальность сна, имеет другое строение, чем геометрическая реальность математизированной природы. Поэтому мы должны понимать условность этих «измерений» и либо заключать их в кавычки, либо помнить о собственных предрассудках.

¹⁸ См.: *Слинин Я.А.* Указ. соч. С. 372.

менология может рассматривать только как соотношение изменения между непосредственным опытом и воспоминанием об этом опыте, то есть действовать только в пространстве восприятия, опыта. Сам объект, «так как он был на самом деле» — трансцендентная реальность, которая не может быть схвачена сама по себе.

В жизненном мире все его элементы предстают в созерцаемой форме, в чувственном восприятии, то есть в первую очередь как *тело*. Даже по преимуществу идеальный предмет предстает как физическое тело (например, при воспоминании о школьных годах в воображении предстает само здание школы или интерьер класса, образы конкретных людей — друзей, учителей и т. д.)¹⁹.

Жизненный мир как целостное и особенное явление характеризуется тем, что Гуссерль назвал *эмпирическим стилем*²⁰. Вещи привычного для нас жизненного мира, данные созерцанию, имеют свои «привычки», они всегда являются определенным образом, с определенной стороны. Все привычные вещи образуют целостность и воспринимаются в этой целостности, она становится залогом непроблематичного восприятия объектов. Эмпирический стиль объединяет в целостность интенциональные объекты не только в синхроническом плане при непосредственном созерцании, но и в диахроническом измерении, когда никакой объект не вырывается из привычного способа данности. Восприятие происходит не только в настоящем, но предполагает и наличное прошлое, и ожидаемое будущее.

Все предметы жизненного мира соотношены с трансцендентальным субъектом (как с отдельным человеком, так и с общностью, кото-

¹⁹ Социолог имеет дело с категориями, которые преимущественно не имеют телесности. Поиск этой «социологической телесности» становится особенно актуальным, когда возникает потребность графически изобразить социальную/социологическую сферы (например, эмблема, логотип организации), в случае социологии едва ли удастся схватить сущность intersubъективного, социального — оно не телесно. У физиков такой телесной воплощенностью их области знания выступает модель атома, у химиков — молекула или пробирка, психологи ограничиваются изображением человека или буквой Ψ , которые непосредственно отсылают к человеку, но не к его душе, а к физическому телу (буква пси не всегда прочитывается как первая буква греческого слова, которое обозначает душу). Благодаря такой эмблематизации особые миры получают надежный знак для собственного обозначения, используя коды доступного всем жизненного мира. В социологии эмблематика затруднена: сложно схватить телесную эманацию духа, изобразить телесную сущность социологии. Изображение нескольких людей и даже некоего множества не всегда дает ощущение социального, так как intersubъективное как целое превосходит сумму составляющих его частей.

²⁰ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. С. 50.

рую феноменология рассматривает как личность более высокой ступени). Поэтому одним из наиболее важных измерений жизненного мира выступает его *масштаб*, напрямую зависящий от субъекта. Этим субъектом может выступать как отдельный человек, так и все человечество, даже человечество в историческом плане. Очевидным следствием здесь будет выступать то обстоятельство, что чем меньше масштаб данного субъекта, тем больше вариативность равномасштабных данному субъекту других жизненных миров.

Жизненный мир определенного субъекта при встрече с другим жизненным миром получает измерение, своего рода шкалу — «*домашнее/чуждое*».

Посредством феноменологической редукции личное сознание становится трансцендентальным субъектом. В этом состоянии абсолютно достоверным является только лишь собственное сознание; этот методический прием феноменологии приводит к солипсизму, который становится необходимой ступенью для дальнейшего открытия интерсубъективного мира. Через аналогизирующую апперцепцию²¹ становится очевидной данностью наличие других таких же трансцендентальных субъектов, аналогичных, но не тождественных «Я». Данные трансцендентальные субъекты остаются трансцендентными друг для друга, так как сознание каждого непосредственно недоступно для сознания другого. Каждому трансцендентальному субъекту доступен непосредственно только собственный внутренний, имманентный мир. Данные опыта трансцендентальных субъектов согласуются в силу сходной психофизической структуры и коммуникации, что делает возможным появление общего для всех интерсубъективного мира, а отдельные субъекты образуют сообщество. Как замечает Я.А. Слинин: «При этом надо отдавать себе отчет в том, что именно стандартные поступки и взаимопонятные переживания делают сообщество монад реальным (а не лишь номинальным) сообществом»²². Важным стано-

²¹ Сам механизм аналогизирующей апперцепции описан достаточно подробно в «Картезианских размышлениях» [Гуссерль Э. Картезианские размышления. С. 213–251]. Суть ее сводится к тому, что из всех интенциональных субъектов трансцендентального опыта выделяется особый объект — собственная психофизическая структура. В дальнейшем во всей совокупности воспринимаемых феноменов выделяются в большей или меньшей мере подобные психофизические структуры — тело *там*, как противоположность собственному телу *здесь*. По интуитивному заключению аналогизирующей апперцепции становится ясным, что за подобной психофизической структурой скрывается подобный собственному трансцендентальный субъект.

²² Слинин Я.А. Указ. соч. С. 454.

вится вклад каждого отдельного члена общества, который определяет иерархию общего для всех интересубъективного мира.

Человеческое бытие, таким образом, проходит в трех мирах, или измерениях. Мир единичного «Я»; мир интересубъективного, достигнутого между людьми посредством одинаковых вчувствований — язык, коммуникация; особые миры, конститулируемые интересубъективно — мир физики, мир искусства и т. д.²³

Как следствие аналогизирующей апперцепции трансцендентальный субъект обнаруживает других трансцендентальных субъектов, имеющих собственный жизненный мир. Это также относится и к совокупному интересубъективному опыту социальной общности, который может встретить опыт другой общности.

Жизненный мир некой социальной общности определяется способом их совместного проживания — «жизненной общностью», как называет это Э. Гуссерль, или, как мы можем это назвать, историческими социокультурными условиями. Домашний мир социальной общности — определенный горизонт аподиктических данностей, общий для всех отдельных монад этого сообщества монад. Сфера очевидного, как для отдельного человека, так и для общности, является результатом сложного переплетения как индивидуальной истории, так и истории культуры. Непонятное в домашнем мире имеет случайный характер; то, что регулярно выходит за рамки нормальностей «домашнего мира», может нарушить незыблемость собственных истин, оно расценивается как чуждое, ненормальное, шокирующее и т. п. Формирование домашнего жизненного пространства происходит в том числе и под влиянием чужого мира: либо принятие иного возможного способа данности, либо утверждение в своем собственном. Невозможно провести четкую границу между миром домашним и миром чужим. Жизненный мир имеет свою собственную структуру, основой которой являются ядро и периферия: периферийные области занимают промежуточное значение — уже не совсем домашние, но еще и не чужие.

Жизненный мир отдельной личности формируется не только благодаря наличию собственного опыта, но в большей части он обязан влиянию на него интересубъективного мира. Мир чужого опыта не просто остается чуждым и противостоящим собственному опыту, но интенциональные объекты чужого опыта вводятся в личную область

²³ *Ингарден Р.* Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 220.

воображаемых объектов посредством коммуникации, которая выступает неперенным основанием интересубъективности. Естественно, что статус их достоверности иной, чем достоверность собственного опыта.

Каждый человек (если он взрослый, здоровый и бодрствующий) имеет свой единственный жизненный мир, который мыслится и проецируется как *мир для всех*, только этот мир наделен субъективно значащими смыслами. В соотнесенности с жизненными мирами других происходит корректировка собственного жизненного мира.

В собственном жизненном мире не так много того, что является достоянием личного опыта; подавляющая часть — опыт других, который формирует жизненный мир, поэтому человек обречен жить в мифе как одном из возможных способ объяснения мира. Миф носит функциональный характер.

Очевидно, что в обратной зависимости находятся размер сообщества и общий интересубъективный опыт: чем больше сообщество, тем меньше мир общих интенциональных объектов, и наоборот, чем меньше сообщество, тем больше то общее пространство, которое разделяет данное сообщество. Сообщество с общим интенциональным миром, обладающее собственным уникальным коллективным жизненным миром, может быть выделено на различном основании (пол, место проживания, возрастная группа, сфера деятельности и т. д.). Общее в этих коллективных жизненных мирах образуется благодаря наличию сходного жизненного опыта, собственного набора интенциональных объектов, горизонта, в котором они располагаются. Социальная коммуникация между представителями одного сообщества осуществляется легче, чем с представителями другого.

Основной формой вхождения в домашний мир является подражание, приобретение у другого «привычных ориентаций». «Поскольку в домашний мир входят разные типы трансцендентальных субъективностей, можно выделить степень их участия в формировании «трансцендентально личностного характера» и различать типы их воздействия на формирование моих конститутивных систем»²⁴.

Домашний мир формируется как интересубъективная реальность; ее субъектом выступает не конкретный человек и не группа людей, а «средний человек», «человек вообще», то, что М. Хайдеггер назвал *das*

²⁴ Савин А.Э. Генезис трансцендентальной монадологии в работах «позднего» Гуссерля // Вопросы философии. 2009. № 8. С. 122.

Man. К этому «безличному человеку вообще» наиболее близки нормальные люди: взрослые, а не дети и не старики; «нормальные», а не люди с акцентуациями. Домашний мир дает всем в нем живущим с одной стороны чувство нормы, но и не абстрактную норму вообще, а конкретную, характерную для данного жизненного мира. Норма формируется конкретными людьми, целыми поколениями, становится культурой, транслируется от поколения к поколению и получает в итоге автономный статус, становится надындивидуальной реальностью, формирующей людей. Как привычка, перерастающая в навык, (*habitus*) сперва зависит от человека, а затем человек начинает зависеть от нее. Это же относится и к норме.

Для жизненного мира различного масштаба (от личности до человечества) можно выделить три *исторических измерения*:

1. «Естественная историчность» — унаследование системы нормальностей собственного домашнего мира.

2. Политическая историчность — усвоение системы нормальностей чужого мира с формированием новой, собственной системы нормальностей.

3. «Историчность-связанная-с-разделением труда» — воздействие особых миров на жизненный мир посредством «втекания» и «вмешивания»²⁵.

Выделенные способы организации жизненного мира можно рассматривать как идеальные типы, так как возможны смешанные влияния.

Помимо альтернативных жизненных миров на конкретный жизненный мир может оказывать влияние особый мир. Э. Гуссерль выделяет два способа такого влияния:

1. «Вмешательство» — сознательная экспансия феноменов особых миров на жизненный мир (пропаганда, идеология, PR и т. д.)

2. «Втекание» — незаметное воздействие, плавная интеграция феноменов, способов мышления, норм, ценностей особых миров в жизненный мир (формирование закрытого сознания в авторитарном государстве).

Область жизненного мира впитывает в себя аподиктические области других особых миров (науки, искусства и т. д.), принцип отбора этих истин заключается в том, что наиболее востребованным оказыва-

²⁵ Савин А.Э. Концепция историчности жизненного мира в трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 127–139.

ется более всего пригодное для повседневной практики (по диагонали идти быстрее, чем обходить прямоугольное по периметру и т. д.).

* * *

Жизненный мир в трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля имеет большой эвристический потенциал — горизонт исследовательских практик, так как область научного поиска, которая раньше не принималась в расчет объективистской наукой, стала тематизирована.

В «Кризисе» обозначено важное положение, оказавшее сильное влияние на развитие философской герменевтики в XX в.:

«<...> жизненный мир — «мир для всех нас» — это то же самое, что и мир, о котором все могут говорить. Каждая новая апперцепция посредством апперцептивного переноса по существу ведет к новой типизации в рамках окружающего мира, а через общение — к новому названию, которое сразу же вливается во всеобщий язык. Поэтому мир всегда уже допускает эмпирически всеобщее (интерсубъективное) истолкование, и при этом может быть истолкован в языке»²⁶.

Поэтому язык и дискурс могут стать основным предметом гуманитарных наук — эту идею развивали М. Хайдеггер и Х.-Г. Гадамер.

В гуманитарных науках в XX в. отдельные исследователи использовали категорию «жизненный мир», заостряя в ней тот или иной аспект, который становился основным предметным полем в собственных теоретических построениях. А. Шюц в развитии собственного феноменологического направления социологии особое внимание уделял интерсубъективности жизненного мира. П. Бергер и Т. Лукман концентрировались на институционализации жизненного мира посредством экстернализации, интернализации и реификации²⁷. Ю. Хабермас развивал идею жизненного мира, и в онтологическом понимании — как мира невербализируемых пресуппозиций, благодаря которому становится возможной коммуникация; и в трансцендентальном понимании — как взаимодействие жизненного мира и системы, колонизацию первого второй.

²⁶ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. С. 279.

²⁷ См.: Шульга А. Типология понятийно-категориального аппарата феноменологической социологии // Социология: Теория, методы, маркетинг. 2009. № 4. С. 59–60.

«Жизненный мир» — слишком объемное понятие и, возможно, не сугубо социологическая категория, так как может стать предметом изучения и психологии, и культурологии, и других гуманитарных дисциплин. Из-за этого обстоятельства исследование жизненного мира иногда относят к протосоциологии. Конкретное социологическое исследование не может охватить весь жизненный мир в его разнообразии, здесь могут быть изучены только некоторые аспекты жизненного мира. Поэтому правомерными оказываются попытки уточнения понятийно-категориального аппарата и заужения «жизненного мира» до «малого социального жизненного мира» (small social life-world) в современной немецкой социологии²⁸. Под малым социальным жизненным миром понимается индивидуальный мир, фрагмент жизненного мира со своей собственной структурой, внутри которого опыт формируется в соответствии с особым интересубъективным запасом знаний, для определенных социальных целей.

* * *

Выход трансцендентальной феноменологии в область социологии обозначен Э. Гуссерлем уже в «Картезианских размышлениях»: он пишет, что важной областью исследования является изучение «социальных актов».

«Тщательно изучить эти акты в различных их формах и на основе полученных результатов прояснить в трансцендентальном смысле сущность всякой социальности»²⁹.

Программа феноменологии сводится к обращению «к самим вещам», вещам как телесным, так и духовным, в интерпретации и описании их смысла. Задачей исследования жизненного мира становится тематизация непроблематичного для достижения подлинного понимания. В пространство жизненного мира попадают те явления социокультурной реальности, которые воспринимаются как данность, непосредственно, в обыденном опыте, и поэтому достаточно сложно поддаются теоретической экспликации. С одной стороны, артикуляция жизненного мира затруднена ограниченностями языка (не каждый опыт и практика имеют адекватное им лингвистическое выражение, и не все

²⁸ Flick, U.; Kardorff E. von; Steinke I. (eds). A Companion to Qualitative Research. London: Sage, 2004. P. 70–71.

²⁹ Гуссерль Э. Картезианские размышления. С. 252.

ощущаемое предполагает вербализацию); с другой стороны, сам феноменолог должен совершить эпохэ, отстраниться от реалий жизненного мира, который, возможно, является для него общим с информантом.

Ж.-Ф. Лиотар так резюмирует задачу и смысл гуманитарных наук: «Мы никогда не подходим к человеческому проявлению, т. е. к поведению, не спросив относительно его следующее: что оно значит? Истинный метод гуманитарных наук не состоит в том, чтобы сводить поведение и смысл, который оно несет, к условиям и разлагать его на эти условия, а в том, чтобы ответить в конце концов на указанный выше вопрос, используя эксплицитно обусловленные данные, полученные с помощью объективных методов. Поистине объяснять в гуманитарных науках означает заставить понимать»³⁰.

Задача феноменологического изучения жизненного мира — осознание неосознаваемого в повседневной практике. Феноменология в социологии благодаря редукции должна реинтерпретировать имеющиеся знания и подорвать их очевидность. Для того чтобы жить и действовать в обществе, совершенно не обязательно отдавать себе отчет в том, как это общество устроено, почему я автоматически поступаю так, а не иначе, нужно просто поступать, а не рефлексировать над поступками. Кстати, все задумывающиеся над устоями общества потенциально несут угрозу для функционирования этого общества — случай задумавшейся сороконожки. Повседневность не терпит сомнения, так как последнее парализует повседневную практику; жизненный мир и его истины в своем повседневном измерении используются только функционально, то есть для решения конкретных задач. Область воспоминаний и относящиеся к ней истины востребуются постольку, поскольку она необходима в практике. Иногда благодаря практике обнаруживается ошибка: тогда пересматриваются непроблемные истины, до этого воспринимаемые аподиктически, и упорядочиваются заново для ликвидации проблематичности...

Феноменология, обозначенная Э. Гуссерлем как «истинный и подлинный» рационализм, целью которого выступает построение адекватного и надежного знания, остается актуальной и сегодня, после постмодернистского релятивизма.

³⁰ Лиотар Ж.-Ф. Феноменология. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ. СПб.: Алетейя, 2001. С. 90.